

Глава 41. Жизнь в округе 1

От принятия решения до самого отъезда из деревни прошла почти неделя.

Землю распределили по жребью. В присутствии старосты и почтенных старейшин деревни составили бумаги: поля по-прежнему принадлежали семье Ли, но передавались односельчанам в пользование. Уговор был прост: когда в июне соберут урожай с суходольных полей, а позже и с рисовых, каждая семья, получившая надел, должна будет в ноябре, по окончании страды, отдать владельцам две меры зерна — и неважно, что именно они вырастили в этом году.

Две меры — это сорок цзинь.

В деревне сеяли арахис, просо, пшеницу и рис. С двадцати му Ли Да должен был получить восемьсот цзинь зерна. Семье из трех человек этого запаса как раз хватало на год. Гу Чжао ел умеренно, но у Ли Да и Ли Чжоучжоу был отменный аппетит, так что расчеты оказались верными.

К тому же Гу Чжао теперь носил звание линьшэна. Это означало, что академия будет выплачивать ему четыре лян серебра в год и выдавать по три меры риса ежемесячно.

Всего на экзамене отбирали двадцать лучших учеников, которых делили на три разряда: линьшэны — первый класс, получающий стипендию; цэншэны — второй; и фушэны — третий. Гу Чжао, занявший на весенних испытаниях пятидесятого года эры Канцзин почетное третье место, по праву вошел в число линьшэнов. Ученикам второго и третьего разрядов жалование не полагалось, если только кто-то из первого разряда не сдавал экзамен на цзюжэня, освобождая место.

Все эти расчеты и позволили Гу Чжао с уверенностью заявить, что переезд в округ не разорит их. На еде они сэкономят благодаря своей земле, а четырех лян серебра должно было хватить на повседневные расходы: соль, масло, уксус, соусы, ткани и уголь, если вести хозяйство бережливо.

Конечно, кисти, бумага и книги требовали отдельных трат.

Но в целом жизнь в округе не пугала. Главное — семья будет вместе. Юноша не желал «любви на расстоянии»: он и дня не мог провести без своего супруга.

По закону сюцай имел право освободить от налогов пятьдесят му земли. У семьи Ли было всего двадцать, так что оставалась квота еще на тридцать му. Гу Чжао предложил тестю самому решить, чьи участки записать под его имя.

Ли Гуйхуа, пронюхав об этой милости, тут же явилась с гостинцами и принялась за старую песню: мол, хоть Гу Чжао и вошел в семью Ли, а всё одно — ребенок семьи Гу, она его с

пеленок вырастила и далее в том же духе.

— Матушка, чтобы освободить вашу землю от податей, её нужно записать на имя моего тестя, в реестр семьи Ли. По законам династии Дали это будет означать, что ваша земля теперь принадлежит отцу. Я и не знал, что вы так доверяете Чжоучжоу и папе! Я просто тронут. Давайте прямо сейчас всё и оформим, — с самым радостным и воодушевленным видом ответил Гу Чжао.

Ли Гуйхуа застыла. Улыбка сползла с её лица, словно маска.

Отдать свою землю Ли Да?

Да ни в жизнь! Она и самому-то Гу Чжао не слишком верила — отрезанный ломоть, локоть которого теперь всегда гнется в сторону Ли. Раз зять так ратует за интересы тестя, значит, точно замышляет недоброе против родной семьи.

На том затея с налогами и закончилась.

Оставшиеся тридцать му распределили иначе: десять закрепили за семьей старосты, десять — за домом Шугуна, который когда-то выручил Ли Да деньгами, а последние десять отдали Ли Эру.

В деревне изумились: Ли Да не забыл брата, с которым, казалось, порвал навсегда! Люди шептались, что он всё же оказался мягкосердечным и не забыл о кровном родстве. Сам Ли Эр, услышав весть, не сдержал слез. Перед старшим братом он в кровь расквасил себе рот ладонью, костеря себя за прежнюю слепоту.

Думал ли Ли Да о братских чувствах? Не совсем. На самом деле эта мысль пришла в голову Гу Чжао.

Помочь старосте и Шугуну было делом ясным. В деревне власть этих людей подчас весомее слова уездного судьи. Редко кто отважится ехать в город бить в судебный барабан — такие тяжбы считаются диковиной.

Ли Да уезжал, но оставался приписан к деревне, а значит, ему нужны были союзники. Отдать же долю Ли Эру следовало ради репутации и ради самого Гу Чжао.

В древности доброе имя ученого ценилось превыше всего. Статус мужа-зятя в ученых кругах и без того считался сомнительным, а тут еще вражда с родней. У Ли Чжэнжэня были живы родители, а император Канцзин превыше всего ставил сыновний долг. Если Гу Чжао пойдет выше по службе, Третий Ли мог подучить Старика и Старую госпожу Ли устроить скандал. Теперь же вся деревня подтвердит: Ли Да не забыл брата, проявил великодушие.

Двадцать му земли, розданные десяти семьям, обернулись для дома Ли верной поддержкой. А если прибавить к этому бесплатное обучение способу приготовления удобрений от учёного Гу, то выходило, что вся деревня была перед ними в неоплатном долгу. Благодарность соседей и добрая слава — капитал, который не обесценится.

Пока мужчины улаживали дела, Ли Чжоучжоу собирал вещи: одежду, постели, посуду, кисти и книги мужа, две печи для обогрева...

За один раз всё было не увезти.

Отец оставался в деревне еще на два месяца, так что часть утвари и постелей оставили ему.

Повозка вышла тяжелой. Трое путников решили идти пешком, лишь изредка подменяя друг друга, чтобы перевести дух. Грузеный мул плелся медленно, так что надеялись добраться до города за два дня — главное было успеть до закрытия ворот, иначе пришлось бы ночевать под открытым небом.

Наградную табличку «Шань гэн жэньцзя» забирать не стали — она так и осталась висеть в главном зале. Даже если хозяев долго не будет дома, ни один воришка не посмеет сунуться в дом, отмеченный знаком внимания главы области.

Наконец настал день отъезда. Накануне все соседи заходили попрощаться. Пришел и Син-гэ'эр с маленьким Юаньюанем. Глаза его покраснели от слез.

— Хорошо тебе, Чжоучжоу, — всхлипывал он. — Будешь теперь городским жителем.

Чжоучжоу мягко возражал: мол, едет только мужа сопровождать, а прописка всё та же — деревня Сипин.

— Всё равно, — качал головой Син-гэ'эр. — Чует сердце, уедешь ты — и пути наши разойдутся.

Он и сам не мог толком объяснить это чувство. С самого детства он всегда был на шаг впереди: и статью вышел лучше, и характером бойчее. Деревня его хвалила, а Чжоучжоу и сравнить-то с ним было нельзя.

Син-гэ'эр привык к превосходству. Но теперь он чувствовал: Чжоучжоу ускользает в другой мир, до которого ему уже не дотянуться. От этой обиды он даже с мужем повздорил.

Ван Шитоу тогда спросил в сердцах:

— Неужто я тебе не мил, раз ты на городские чины заглядываешься?

Син-гэ'эр увидел в глазах мужа боль и тут же прикусил язык. Он понял, что нельзя сравнивать свою жизнь с чужой. Ван Шитоу любил его, в лютые морозы добывал для него лакомства... Обняв супруга, Син-гэ'эр выплакался, признавшись в своей зависти. Мир в их доме восстановился, хотя легкая горечь в душе Син-гэ'эра всё же осталась.

Дорога была спокойной, и семья Ли успела к воротам округа Нинпин до заката. Остановились на том же постоялом дворе, сняв комнаты на две ночи.

Слуга в гостинице сразу узнал их: не каждый день увидишь такого высокого и крепкого гэ'эра. А уж муж этого гэ'эра — стройный, бледный, с тонкими чертами лица — и вовсе походил на благородного господина.

Увидев повозку со скарбом, слуга смекнул, в чем дело:

— Примите мои поздравления, Гу-сянгуи!

Сюцаев по закону величали «сянгуи» — господин, и слуга не преминул выказать почтение. Гу Чжао, впрочем, чувствовал себя неловко от такого обращения и быстро перешел к делу:

— Благодарю. Скажи-ка, дружище, ты ведь местный? Я поступил в академию и хочу перевезти семью в город. Не знаешь ли, где здесь можно снять приличное жилье и как найти надежного яжэня?

Слуга расплылся в улыбке. За годы службы он повидал немало людей, но редко когда ученый муж говорил с ним так просто и вежливо.

— Вы по адресу обратились, господин. Наш округ устроен просто: южная часть — для торгового люда да проезжих. На востоке — управа. На севере — ваша академия, там тишина. А на западе и живут многие, и лавок там не счесть.

Он посоветовал не обращаться в конторы у ворот — там посредники привыкли иметь дело с заезжими купцами. Для жилья лучше было искать на западе.

Утром, перекусив булочками и горячей водой, семья разделила обязанности. Ли Чжоучжоу остался в гостинице охранять вещи, а Ли Да повез зятя на поиски.

Статус сюцая был сейчас как нельзя кстати. В незнакомом месте посредники мигом почуют чужаков: если увидят старика да гэ'эра, могут и в договоре обмануть. А с ученым человеком шутки плохи.

Вскоре на западе они нашли нужную контору. Яжэнь, узнав, что перед ним будущий ученик академии Цинпин, тут же сменил тон на подбострастный.

— Если хотите поближе к наукам, есть один дворик. Правда, цена кусается.

— И сколько же? — спросил Гу Чжао.

— Двадцать лянов в год, — ответил посредник и тут же добавил: — Но дом того стоит!

Гу Чжао и бровью не повел. Попросил показать и другие варианты. Усевшись в повозку, яжэнь повез их по городу.

Академия Цинпин располагалась на севере — величественное здание, вокруг которого царил тишина. Ближайший переулок назывался Переулок Цинпин. Здесь жили в основном богатые семьи. Этот район был своего рода «первым кольцом», и цены здесь были неподъемными.

Решили искать во «втором кольце», в пятнадцати минутах ходьбы от академии.

— Посмотрите этот дом! — расхваливал мужчина очередное здание. — Прежние жильцы здесь на цзюйжэня сдали, аура тут самая удачная. Соседи — люди почтенные, а уж ворота-то какие...

Дом и впрямь был хорош: свежая краска, крепкая мебель. И тишина вокруг — ни криков, ни суеты.

— А есть что-нибудь... поживее? — спросил Гу Чжао. — Чтобы жизнь вокруг кипела.

На самом деле он просто прикидывал бюджет — двадцать лянов за тишину ему казались излишеством. Яжэнь всё понял и повез их дальше.

— Есть одно место, но до академии идти добрых полчаса, — предупредил он. — Но там шумновато будет для ученого человека.

Приехали на оживленную улицу.

— Вот, с фасада — лавки, а сзади — жилые дворы. Здесь в основном торговцы селятся.

Гу Чжао это место понравилось: здесь чувствовалось дыхание города, а Чжоучжоу будет удобно ходить за продуктами. И, что немаловажно, здесь должно было быть дешевле.

Завернули в задний переулок. Шум улицы приглушился. В тупике росло гранатовое дерево, под которым играли дети.

— Вот он, — Яжэнь указал на облупившиеся деревянные ворота. — В конце переулка есть общая колонка, но вам она не понадобится — в этом дворе свой колодец имеется. За воду платить не придется.

Гу Чжао смекнул: посредник специально хвалит колодец, чтобы оправдать цену за обветшалый дом.

Двор оказался просторным. Поскольку фасад выходил на торговую улицу, вход со стороны переулка вел на заднее подворье. Планировка была незатейливой: в углу — нужник, рядом — покосившийся навес, заваленный старым хламом. Но юношу это устроило: будет где мула пристроить.

Жилое здание состояло из четырех больших комнат. Посредник пояснил, что две из них раньше служили лавками, а две — спальнями. При желании проемы в торговую часть можно было заложить кирпичом, и тогда получались четыре просторных покоя. Рядом под отдельной крышей располагались кухня и чулан. И, конечно, колодец в углу. Весь двор зарос бурьяном, а крыша явно требовала ремонта — кое-где сквозь черепицу проглядывало небо. Гу Чжао зашел внутрь и увидел, как сквозь дыры в кровле пробиваются лучи света.

— И сколько же за это просите? — поинтересовался Гу Чжао.

Яжэнь запросил четырнадцать лянов. Гу Чжао осведомился, входит ли в эту цену починка крыши и закладывание стен. Мужчина замялся и тут же сбросил цену: для господина сюця — десять лянов в первый год, и одиннадцать — во второй.

— Отец, что скажете? — обернулся Гу Чжао к тестю.

Ли Да молчал. Его собственный дом в деревне был крепким и светлым. А тут — развалюха за несусветные деньги. Он только сурово сдвинул брови. Гу Чжао сокрушенно вздохнул: мол, дороговато за такую руину. Яжэнь тут же вцепился в них:

— Десять лянов за первый год, и одиннадцать — за второй! Меньше не могу, господа.

На том и сошлись. Гу Чжао прикинул, что покупка такого дома обошлась бы в сто двадцать лянов. Сделку решили закрепить после обеда.

Ли Да и Гу Чжао вернулись в гостиницу. По дороге зять спросил:

— Не пришелся вам дом по душе, отец?

— Вижу, что старый он, — отозвался Ли Да. — Но и то знаю, что ты деньги бережешь. Мы к нужде привычные, не в хоромах счастье.

— На самом деле, дом неплохой, — делился мыслями Гу Чжао. — Пешком до учебы мне недолго. А если вы, отец, найдете здесь дело — решите ли цяочжу заниматься в округе или еще что — мулу в загоне будет место. Комнат нам троим хватит, а если Чжоучжоу захочет лавочку открыть — и для этого место найдется. Я ведь понимаю: траты будут большие, надо копить.

Ли Да, слушая его, уже прикидывал в уме, где подлатать.

Оформили всё быстро. Заплатили сразу за три года вперед — тридцать два ляна. Гу Чжао и Чжоучжоу решили, что так будет спокойнее: вдруг через год цена вырастет? Хозяин, узнав, что жильцом будет сюцай, обрадовался.

Перебрались сразу. Пока мебели не было, спали на полу. Ли Да наотрез отказался нанимать мастеров — сам полез на крышу менять черепицу и укреплять стропила. Ли Чжоучжоу тоже не сидел сложа руки: чистил и скоблил.

— Лавку пока трогать не будем, — распоряжался он. — Одну комнату оставим под склад, а из трех сделаем жильё. Главную залу — под обеда да отдых...

Через пять дней дом преобразился. Окна затянули свежей бумагой, в комнатах пахло чистотой. Купили самое необходимое: столы, скамьи, кровать для отца и письменный стол для Гу Чжао.

На радостях Чжоучжоу приготовил сытный обед: мясо и целую гору паровых булочек — отцу в дорогу.

— Завтра тронусь в путь, — сказал Ли Да. — Посмотрю, как там поля. О скотине не беспокойтесь, Ли Эр обещал присмотреть.

Свиней и кур Чжоучжоу успел распродать еще в деревне. Госпожа Тянь охотно выкупила их по хорошей цене.

— Как только пшеницу продам — и к вам, — пообещал отец. — Ждите меня в середине июля.

Чжоучжоу подложил отцу еще риса. Он впервые расставался с ним так надолго.

— Ты теперь человек семейный, Чжоучжоу, — наставлял Ли Да. — Во всём с мужем советуйся.

Гу Чжао серьезно ответил:

— Отец, возвращайтесь спокойно. Пока я здесь, никто Чжоучжоу и пальцем не тронет.

Вечером Ли Да отвел сына в сторону и отдал ему тридцать лянов серебра.

— Возьми. Можешь Гу Чжао сказать, но все сразу ему не отдавай. Не потому, что я ему не верю... просто сердце за тебя болит.

Чжоучжоу всё понял: отец просто хотел, чтобы у сына всегда была опора.

Утром Ли Да уехал. У него оставалось семьдесят восемь лянов. Перед отъездом он спрятал основную часть денег в своей комнате в городе, под полом под кроватью, оставив себе лишь немного на путевые расходы.

Ли Чжоучжоу вернулся в их с мужем комнату. Гу Чжао как раз застилал постель.

— Не горюй, — мягко сказал юноша. — Отец у нас крепкий, дорога знакомая, разбойников в наших краях нет. Доберется в целости.

— Отец дал мне тридцать лянов, — прошептал Чжоучжоу.

Гу Чжао обернулся и невольно улыбнулся. В душе его разлилось тепло. Он не обиделся: любовь родителей порой бывает бесхитростной.

— А не боишься, что я выманю у тебя эти деньги, — в шутку спросил Гу Чжао, легонько ущипнув мужа за щеку, — а сам заставлю тебя на черных работах спину гнуть? Отец уехал, теперь я тебя обижать стану!

— Не станешь, — уверенно ответил Чжоучжоу, и глаза его сияли. — Я же вижу, кто ко мне со всей душой.

— А если я и вправду окажусь дурным человеком? — не унимался Гу Чжао.

Чжоучжоу задумался на мгновение:

— Тогда я просто не скажу тебе, сколько у меня припрятано. Оставлю на черный день, а сам буду жить своим умом. Но ты не такой. Нет никаких «если».

Гу Чжао прижался к нему:

— Ладно-ладно, не буду больше. Ведь я — красивый маленький муженёк Чжоучжоу, конечно, я буду во всём тебя слушаться.

Ли Чжоучжоу рассмеялся. Они улеглись в постель. На кровати было непривычно, но когда муж притянул его к себе, обнимая за талию, Чжоучжоу мгновенно успокоился.

— У меня еще восемь лянов осталось. Будем пока на них жить, а те тридцать трогать не станем. Мало ли что случится...

— Как скажешь, родной, — прошептал Гу Чжао, весело болтая и поглаживая грудные мышцы супруга.

<http://bllate.org/book/15349/1427248>